ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 11 | 2026. Volume 19. Issue 11
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Сверхтекст как объект изучения современной филологии

Шеянова Е. О.

Аннотация. Настоящая статья посвящена осмыслению рецепции локальных сверхтекстов в отечественной гуманитарной науке. Цель исследования – выявление наиболее продуктивной типологии для изучения топических сверхтекстов. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые выявлена и обоснована продуктивность разграничения локального и регионального типов топического сверхтекста; доказана необходимость выработки особых подходов к изучению регионального сверхтекста как менее изученного по сравнению с городским; определены перспективы дальнейшего исследования региональных сверхтекстов с учетом их гетерогенности, полилога культур и мифологической многослойности. В статье рассмотрена эволюция понятия «сверхтекст» в отечественной филологии, проанализированы ключевые дефиниции и классификации, предложенные Н. А. Купиной и Г. В. Битенской, Н. Е. Меднис, А. Г. Лошаковым, С. О. Курьяновым, а также концепция Н. Н. Старыгиной. Особое внимание уделено разграничению локального и регионального типов топического сверхтекста и обоснованию необходимости выработки особых подходов к изучению регионального текста. В результате исследования подтверждена продуктивность классификации С. О. Курьянова, в которой выделяются локальный и региональный сверхтексты, и сделан вывод о том, что региональный сверхтекст требует применения методологии, учитывающей его гетерогенность, полилог культур и мифологическую многослойность, что открывает перспективы для дальнейшего изучения региональных сверхтекстов.

EN

Supertext as an object of study in contemporary philology

E. O. Sheyanova

Abstract. This article is devoted to understanding the reception of local supertexts in Russian humanities scholarship. The aim of the study is to identify the most productive typology for studying topical supertexts. The scientific novelty of the work lies in the fact that it is the first to identify and substantiate the productivity of distinguishing between the local and regional types of topical supertexts. In addition, the work substantiates the need to develop special approaches to the study of the regional supertext as less studied in comparison with the urban one. The article outlines prospects for further research into regional supertexts, taking into account their heterogeneity, the polylogue of cultures, and their mythological layering. The article examines the evolution of the concept of “supertext” in Russian philology and analyzes the key definitions and classifications proposed by N. A. Kupina and G. V. Bitenskaya, N. E. Mednis, A. G. Loshakov, S. O. Kuryanov, as well as the conception of N. N. Starygina. Special attention is paid to the distinction between the local and regional types of the topical supertext and to substantiating the need to develop special approaches to the study of the regional text. As a result of the study, the productivity of S. O. Kuryanov’s classification, which distinguishes between local and regional supertexts, is confirmed, and it is concluded that the regional supertext requires a methodology that takes into account its heterogeneity, the polylogue of cultures, and its mythological multilayeredness, which opens up prospects for further study of regional supertexts in Russian philology.

Введение

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом отечественной филологии к теории локальных сверхтекстов и необходимостью систематизации накопленных подходов к их изучению. Несмотря на обилие работ, посвященных отдельным сверхтекстам (петербургскому, венецианскому, пермскому, крымскому и др.) (Топоров, 2003; Меднис, 1999; Абашев, 2004; Люсый, 2003, Курьянов, 2014; 2019; Гудкова, Шеянова, 2025), теория локальных сверхтекстов до сих пор остается методологически неоднородной: накопленный материал описывается при помощи терминологически неунифицированного аппарата, отсутствует

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260544

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

общепринятое определение сверхтекста, не выработаны критерии, позволяющие обоснованно отнести тот или иной корпус текстов к сверхтексту, дискуссионным остается вопрос о разграничении типов сверхтекстов. Особую сложность представляет изучение региональных сверхтекстов, методология исследования которых, разработанная преимущественно на материале городских текстов, требует уточнения. Кроме того, сами понятия «локальный», «региональный», «топический», «городской» текст нередко употребляются как синонимы, что делает результаты отдельных исследований трудносопоставимыми и затрудняет преемственность научного знания. Систематизация существующих концепций и обоснование продуктивной типологии сверхтекстов позволит не только «высветить» теоретические основания изучения регионального текста, но и определить дальнейшие векторы его исследования.

Необходимость настоящей работы определяется и внешними по отношению к теории обстоятельствами. Рост интереса к региональным сверхтекстам в последние десятилетия обусловлен кризисом идентичности: подобные тексты становятся одной из форм репрезентации и конструирования регионального самосознания. В этих условиях отсутствие упорядоченной теории, позволяющей сопоставлять результаты разных исследований, является препятствием как для филологии, так и для смежных гуманитарных дисциплин, обращающихся к тем же материалам.

Таким образом, очевидна потребность в систематизации накопленных подходов, в уточнении критериев выделения сверхтекста и в обосновании типологии, которая позволила бы разграничить локальный и региональный типы сверхтекста, а также наметить методологические ориентиры для изучения последнего. Решение этой задачи необходимо для дальнейшего изучения конкретных сверхтекстов.

Задачами настоящего исследования стали: осмысление понятия «текст» в работах отечественных исследователей; анализ существующих дефиниций сверхтекста; рассмотрение классификаций сверхтекстов, предложенных российскими учеными.

Материалом исследования послужили теоретические работы ведущих отечественных филологов, разрабатывающих концепцию сверхтекста (Купина, Битенская, 1994; Меднис, 2003; Лошаков, 2007; 2008; Курьянов, 2014; 2019; Сверхтексты в русской литературе…, 2025; Старыгина, 2017; Галимова, 2012).

Ключевыми методами явились культурно-исторический, позволивший проследить эволюцию понятия «сверхтекст» в трудах отечественных исследователей и выявить взаимосвязь текста и культурной среды; сравнительно-сопоставительный, благодаря которому систематизированы различные подходы к определению сверхтекста и сопоставлены существующие классификации; структурно-семиотический, с помощью которого были исследованы семантические связи между текстами и роль знаковых систем в сверхтекстах.

Теоретическую базу составили положения М. М. Бахтина (1997) о диалогичности текста; семиотическая концепция Ю. М. Лотмана (1992), акцентирующая тесные взаимосвязи текста и семиосферы, порождающие новые смыслы и формы; идеи В. Н. Топорова (2003) о петербургском тексте, репрезентующие географическое пространство как резонансное пространство, в котором отражаются важнейшие события русской истории и культурные трансформации; работы Д. С. Лихачева (1981) о «больших текстовых структурах», актуализирующие понимание текста как живого организма, находящегося в постоянном взаимодействии с культурой и историей.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах теории литературы, истории русской литературы, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных локальным сверхтекстам русской словесности.

Обсуждение и результаты

Текст как семиотическое пространство культуры в работах российских исследователей

Устойчивый интерес к региональному тексту в филологической науке появился сравнительно недавно в связи с возникшим вниманием отечественного литературоведения к специфике функционирования топических сверхтекстов (Абашев, 2000; Бахтин, 1997; Галимова, 2012; Данилевская, 2006). В последние десятилетия активное развитие получает теория локальных сверхтекстов – одно из наиболее продуктивных направлений филологии и лингвокультурологии, изучающее способы и приемы художественного освоения пространства. Предложенная теория, позволяющая синтезировать методологические подходы различных гуманитарных наук (литературы, лингвистики, культурологии, истории, антропологии и др.), вырабатывает фундаментальную идею о том, что определенные географические локусы порождают устойчивые семиотические и мифологические системы, закрепленные в литературе (Социум, сознание, язык…, 2014, с. 26).

Теория локальных сверхтекстов генетически связана с проблемой функционирования текста, который не только выступает в качестве основной единицы коммуникации, но и является способом хранения и передачи информации, формой существования культуры, а также продуктом определенной исторической эпохи, формой отражения жизни индивида и т. п. Широкая трактовка понятия «текст» в современном гуманитарном знании позволяет говорить о вариативных подходах к его описанию и осмыслению, что и порождает различные дискуссионные вопросы об изучении данного феномена. Совершенно справедливо В. В. Абашев отмечает, что сегодня на первый план выдвинулось понятие текста, «давно вышедшее за рамки специально литературоведческой или лингвистической интерпретации <…>. Современное операционально гибкое представление о тексте стало результатом длительного развития этого понятия в отечественной филологии – от жесткого статического понимания текста в начале 1960-х до мягких функциональных определений 1990-х годов» (Абашев, 2000, с. 7).

Разделяя бахтинское понимание текста как живого диалогического пространства между автором и реципиентом (Бахтин, 1979, с. 312-313), где важное значение приобретает как сама общепонятная система знаков (язык), так и индивидуальное смысловое содержание, выходящее за границы самого текста и связанное с культурным контекстом автора и читателя, отечественные исследователи воспринимают текст не как статический объект, а как динамическое явление.

В этой связи особый интерес для нас представляют исследования Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, заложившие основы изучения как самого понятия «текст», так и больших текстовых структур. Так, Д. С. Лихачев развивает идеи о том, что литература не существует в вакууме: в любом литературном явлении отражается и преображается действительность. Ученый отмечает, что не существует «четких границ между литературой и реальностью» (Лихачев, 1981, с. 3). Продолжая традиции культурно-исторической школы, он указывает на необходимость изучения литературы не изолированно, а в широком контексте: «Литературное произведение распространяется за пределы текста. Оно воспринимается на фоне реальности и в связи с ней» (Лихачев, 1981, с. 3). При этом важное значение ученый придает «большим текстовым структурам», где существенную роль играют устойчивые мотивы, образы, жанровые модели, которые «кочуют» из текста в текст, из эпохи в эпоху. Д. С. Лихачев пока еще не использует сам термин «сверхтекст», но рассматривает под «большими текстовыми структурами» не просто сумму произведений, а сложную динамическую систему, которая возникает на стыке литературы и реальности.

Существенный вклад в понимание специфики этой проблемы вносит тартуско-московская школа и, прежде всего, Ю. М. Лотман, разрабатывающий семиотический подход к интерпретации текста, под которым исследователь понимает фундаментальную «единицу культуры», обладающую признаками живого организма. Ученый переосмыслил лингвистическое и литературоведческое понимание текста, изложив его как знаковое явление культуры, где текст предстает «не как реализация сообщения на каком-либо одном языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» (Лотман, 1992, с. 132). Осмысливая его как важную составляющую семиосферы, под которой ученый понимал не просто совокупность отдельных текстов, но целостное семиотическое пространство культуры, где разные знаковые системы (литература, живопись, ритуалы, быт) существуют вместе и влияют друг на друга, Ю. М. Лотман приходит к пониманию большой текстовой структуры как живой полифонической системы, которая функционирует за счет диалога своих частей друг с другом и с окружающим культурным пространством. Исследователь подчеркивал, что семиосфера – это «котел текстов и кодов, разноуровневых и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» (Лотман, 2001, с. 325). Ученый обратил внимание на «двойную кодировку» таких текстов, где важна работа разных языков и кодов, что приводит к рождению новых смыслов.

Идеи о взаимообусловленности категории текста и культуры, а также понимание текста как культурного феномена инициировали дальнейший научный интерес к проблеме специфики функционирования сверхтекста. Так, опираясь на лотмановское понимание «текста культуры», В. Н. Топоров одним из первых применил понятие «сверхтекст» по отношению к совокупности произведений о Петербурге, объединенных общим мифологическим кодом. Исследователь обратил внимание на особенности текста, связанного с петербургскими реалиями, и обосновал критерии его выделения на материале русской словесности (от Пушкина и Гоголя до Достоевского, Блока, Ахматовой и др.), учитывая способы языкового кодирования. Исследователь доказал идею о том, что в основе сверхтекста лежит не просто описание города, а его мифологизация. Петербург как самостоятельный субъект, имеющий свой «язык», как справедливо отмечал ученый, способен порождать устойчивые мотивы и смыслы: «Как и всякий другой город, Петербург имеет свой “язык”. Он говорит нам своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками, людьми, историей, идеями и может быть понят как своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемая в тексте» (Топоров, 2003, с. 22). Исследователь указывает на диалогические отношения сверхтекста с внетекстовой реальностью, где не просто сохраняются «следы» истории, топографии, культурных кодов Петербурга, а проявляются сложные диалогические отношения текста и реальности.

Таким образом, В. Н. Топоров репрезентовал петербургский текст как «мощное полифоническое резонансное пространство, в вибрациях которого уже давно слышатся тревожные синкопы русской истории и леденящие душу “злые” шумы времени» (Топоров, 2003, с. 66).

Подходы к определению понятия «сверхтекст» в отечественной филологии

Разработанная В. Н. Топоровым категория петербургского текста послужила основой для выделения как самого понятия «сверхтекст», так и широкого круга топических сверхтекстов: венецианского (Меднис, 1999), пермского (Абашев, 2000), кавказского (Шульженко, 2001), северного (Галимова, 2012), крымского (Люсый, 2003) и др. Однако масштабность явления породила и много дискуссионных вопросов, связанных, во-первых, с определением самого термина «сверхтекст»; во-вторых, с выработкой критериев, позволяющих отнести тот или иной текст к уже обозначенному сверхтексту; в-третьих, с обоснованностью использования термина «сверхтекст» в отношении определенного литературного материала, еще не получившего целостного описания; в-четвертых, с возможными типологическими моделями, встречающимися внутри данного явления. Более того, неоднородность и многофункциональность сверхтекста требуют комплексного научного подхода, сочетающего литературоведческий, лингвистический и культурологический методы.

Следует отметить, что одно из первых определений сверхтекста было дано в конце XX столетия представителями лингвистического направления Н. А. Купиной и Г. В. Битенской (1994, с. 214-233). Исследователи понимают данное явление следующим образом: это «совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормального/анормального» (Купина, Битенская, с. 215). Впоследствии эта трактовка понятия заложила основу для типологических разновидностей сверхтекста и вошла в лингвистические словари с небольшими уточнениями: «сверхтекст является единицей культуры и понятием лингвокультурологии» (Данилевская, 2006, с. 374). Заметим, что уральские исследователи не только одними из первых дали ключевое определение понятия, но и предложили его типологию, выделив такие разновидности сверхтекстов, как закрытые/открытые, авторские/неавторские. Важно отметить, что Н. А. Купина и Г. В. Битенская (1994, с. 214-233) не только дали определение сверхтекста, но и подробно описали его как целостную функциональную систему (самостоятельную смысловую структуру). В частности, исследовательницы указали на наличие у такой системы пространственно-временных границ, содержательного и ситуативного единства, единой модальной установки, а также четкости позиций адресанта и адресата.

Однако в дальнейшем другие исследователи указали на недостаточную многомерность этого понятия, отметив, что «в целом это определение можно было бы принять, ясно сознавая при этом, что в нем не учтена заявленная теми же авторами культуроцентричность сверхтекста, то есть те внетекстовые явления, которые лежат за рамками достаточно широких в данном случае текстовых границ и выступают по отношению к сверхтексту как факторы генеративные, его порождающие» (Меднис, 2003, с. 8). Так, Н. Е. Меднис уточняет, что сверхтекст – это «сложная система интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» (2003, с. 13). В своих работах ученый выделяет общий набор признаков, который позволяет «в каждом отдельном случае вести речь о цельном тексте, весьма сложном и специфическом» (Меднис, 2003, с. 9). Среди них, по мнению исследователя, наиболее важными становятся: 1) наличие единого концепта или образно-тематического центра (топический – конкретный локус, именной – культурно-биографические сведения и т. п.); 2) знание читателем относительно стабильного круга текстов, наиболее показательных для тех или иных сверхтекстов в целом; 3) синхроничность восприятия текста, при котором актуализируются ранее не обнаруженные штрихи в отдельных субтекстах; 4) смысловая целостность: цементирующим началом сверхтекста становится место встречи текста и внетекстовой реальности; 5) языковая общность – единство художественного кода; 6) одновременная устойчивость (за счет культурной памяти) и динамичность (за счет новых интерпретаций и вариаций) границ (Меднис, 2003, с. 10-13). При этом Н. Е. Меднис отмечает важность повторяемости и вариативности мотивов у разных авторов, культурных маркеров и эмблем, интертекстуальных отсылок, а также читательского и исследовательского конструирования.

Существенные уточнения в понимание проблемы вносит А. Г. Лошаков (2008). В докторской диссертации он рассматривает сверхтекст с позиции лингвистического подхода, как динамическое полистилистическое образование – «ряд отмеченных направленной ассоциативно-смысловой общностью <…> автономных словесных текстов, которые в культурной практике актуально или потенциально предстают в качестве целостного интегративного диссипативного словесно-концептуального образования, как составляющая ахронического культурного пространства – национальной текстовой концептосферы» (Лошаков, 2008, с. 7). А. Г. Лошаков описывает становление сверхтекста как результат смыслопорождения, в котором взаимодействуют две силы: центростремительная (межтекстовые связи внутри сверхтекста) и центробежная (интертекстуальные связи, направленные вовне, но не выходящие за пределы актуальной части текстовой концептосферы) (Лошаков, 2008, с. 8). Среди ключевых характеристик сверхтекста ученый выделяет целостность системы при сохранении свойств отдельных текстов, динамичность, многомерность, полижанровость, а также кросс-характеристики – темпоральность, референтность и персональность. А. Г. Лошаков указывает на одновременное единство сверхтекста как парадигматического феномена и его открытость для множества интерпретаций.

Более того, в его работе дана и одна из наиболее разветвленных типологических классификаций сверхтекстов. Представляя серьезную доказательную базу, исследователь выделяет систематические единства: актуальные, актуализированные и потенциальные; индивидуально-авторские, коллективно-авторские, квазиавторские, анонимно-авторские; собранные и несобранные; однотипно и неоднотипно структурированные; сильные и слабые с жесткой и нежесткой структурой; тематические – локальные, именные, событийные и др. (Лошаков, 2008, с. 8).

Учитывая сложившийся в отечественной филологии опыт изучения проблемы функционирования сверхтекста, крымские литературоведы во главе с С. О. Курьяновым значительный акцент сделали на разграничении понятий «ассоциативно-смысловой сверхтекст» и «текстовое единство», а также обратились к уточнению дефиниций «ядер сверхтекста» и «структурных компонентов сверхтекста» (Сверхтексты в русской литературе…, 2025, с. 8-20).

Ученые обратили внимание на то, что не всегда тексты в текстовом единстве объединены содержательно, «но всегда объединены в идейно-смысловом плане» (Сверхтексты в русской литературе…, 2025, с. 7). Это происходит потому, что важную роль в таком единстве играет автор и его замысел: «именно он фиксируется и разъясняется исследователем; тексты в текстовом единстве ничем, кроме авторской воли <…>, не ограничены и тем более не ограничены темпорально и локально» (Сверхтексты в русской литературе…, 2025, с. 7). Единство ассоциативно-смыслового сверхтекста строится по другому принципу, который ученые определяют

как «систему интегрированных текстов, представляющую собой ассоциативно-смысловую текстовую общность, которая тождественно воспринимается авторским и читательским сознанием благодаря единому культурному коду» (Сверхтексты в русской литературе…, 2025, с. 7). Ключевым здесь становится совпадение восприятия у автора и читателя, причем авторское сознание ориентируется на такие культурные константы, как пространство (топос), личность, событие и т. п. Важной признается и роль семантического ядра – культурно значимого концепта, чаще всего внелитературного по происхождению. Наконец, исследователи подчеркивают неоднородность входящих в систему текстов: они относятся к разным жанрам, направлениям и эпохам. Однако структурно-семантическую основу такого вида сверхтекста задают ключевые элементы – культурные концепты и мифы (мифологемы), которые группируются вокруг его семантического ядра. Отталкиваясь от топоровской концепции мифа как смыслового центра петербургского текста, С. О. Курьянов и его последователи значительный акцент делают на роли мифа в смысловом центре сверхтекста, подчеркивая мысль о том, что «из-за своей универсальности концепт может быть ядром сверхтекста, но собирает разные тексты в единый сверхтекст только миф, продолжающий и разъясняющий своей сюжетностью национальные и индивидуальные (индивидуально-авторские) смыслы (ценности) концепта» (Сверхтексты в русской литературе…, 2025, с. 12). Исследователи указывают на принципиальную разницу между концептом, являющимся ментальным образованием, «сгустком» знаний и представлений, и мифом – конкретной формой, в которой концепт обретает устойчивые, повторяющиеся в культуре смыслы.

Следует отметить, что обозначенные вопросы являются принципиальными в осмыслении понятия «сверхтекст», поскольку уже в работе В. Н. Топорова была намечена проблема возможности культурной сверхреальности у других локусов. В этой связи становится важным и замечание Н. Е. Меднис о том, что немногие пространства могут образовывать подобные текстовые структуры. В качестве репрезентативного примера исследовательница приводит пласт художественных текстов о Москве, которые «не обладают той степенью внутренней целостности, которая позволила бы безоговорочно вести речь о Московском тексте в русской литературе» (Меднис, 2003, с. 33), так как они не имеют «текстопорождающей основы». Существующие отдельные мифы связаны с какими-либо отдельными частями города или его истории, но не формируют целостного смыслового ядра. Подобную идею разделяет и Е. Ш. Галимова, которая также считает, что далеко «не любой город и не любая местность способны “породить” свой текст, образ не каждого города и не каждой местности (суммарный образ, созданный в произведениях писателей различных эпох) может обладать чертами сверхтекста» (2012, с. 123). Таким образом, осмысливая работу, проделанную отечественными исследователями в области изучения феномена сверхтекста, можно констатировать, что сверхтекст представляет собой сложную динамическую структуру, которая складывается из множества самостоятельных текстов и функционирует как целостная, но открытая система. Она объединяет тексты не просто тематически, а за счет устойчивых смысловых кодов, повторяющихся мотивов и образов, а также общей культурной и внетекстовой ориентации. При этом основополагающую роль здесь играет миф – именно он становится тем интерпретационным кодом в сознании читателя и исследователя, который позволяет объединить разнородные тексты в единый смысловой континуум вокруг значимого центра.

Здесь же необходимо обратить внимание и на многообразие методологических подходов в изучении этого явления. Его очевидный междисциплинарный характер никаким образом не исключает доминантных подходов, которые должны определить только исследователи, исходя из объекта изучения. В связи с этим особые задачи стоят перед исследователями, изучающими сверхтексты как литературоведческое явление, где понимание самого термина зависит от уяснения положения «центра сверхтекста». На данный факт совершенно справедливо указывает С. О. Курьянов: «Именно при литературоведческом понимании термина ядро сверхтекста (всегда видоизмененное в соответствии с авторской задачей историческое, географическое, культурное и пр. и воспроизведенное в художественной форме явление) находится *только и всегда* внутри литературного текста, делая сам текст в числе других текстов одним из главных текстообразующих элементов» (курсив – *С. К.*) (Сверхтексты в русской литературе…, 2025, с. 19).

Проблема классификации сверхтекстов

Помимо терминологического определения понятия «сверхтекст», дискуссионной остается и проблема классификации сверхтекстов. Наиболее авторитетными для нас являются типологические разновидности, представленные в работах Н. А. Купиной и Г. В. Битенской, Н. Е. Меднис, А. Г. Лошакова, на которые мы указывали выше. Стоит обратиться к осмыслению данного вопроса в трудах С. О. Курьянова и его последователей – Н. А. Ивановой и В. В. Курьяновой. Во многом разделяя классификационные принципы А. Г. Лошакова, они существенно дополнили его систему. Более всего их заинтересовала классификация по типу референта, предусматривающая разделение сверхтекстов на топический (по А. Г. Лошакову – локальный), именной и событийный.

Так, внутри именного они выделяют *персонический и персонажный тексты*. Первый базируется «на “тексте жизни” писателя (художника, ученого, политика и т. п.), значимого для общественного сознания и воспринимаемого в качестве либо всемирно, либо национально, либо культурно и проч. значимого персонического концепта, являющегося ядром сверхтекста (в данном случае ядро сверхтекста имеет экстралитературный характер и первоначально с литературой не связано)» (Сверхтексты в русской литературе…, 2025, с. 15). *Персонажный* текст строится на основе «константных мифологизированных представлений о фольклорных, мифологических или литературных героях, которые также являются всемирно, национально и культурно значимыми и поэтому представляющими собой концепты, образующие ядра сверхтекста» (Сверхтексты в русской литературе…, 2025, с. 15).

Наименее изученной разновидностью, на взгляд исследователей, является *событийный* сверхтекст, где выделяются *казуальный* и *эпохальный тексты*. В основе *казуального* подвида лежит значимое национальное историческое событие, оставившее след в истории нации (Отечественная война 1812 года, Великая Отечественная война и др.). Под *эпохальным* текстом ученые понимают сверхтекст, который строится «на константных мифологизированных представлениях не одного большого события, а ряда небольших, но объединенных смысловой общностью. Центр (ядро) такого сверхтекста всегда есть концепт исторической эпохи, включающей в себя цепь исторических, культурных, бытовых, научных и т. п. событий, ее формирующих» (Сверхтексты в русской литературе…, 2025, с. 17).

Более подробно исследователи останавливаются на топическом (топосном/локальном) сверхтексте, обосновывая функциональные характеристики двух его разновидностей – *локального* и *регионального*. Следует отметить, что осмысление данной разновидности легло в основу многих работ С. О. Курьянова (2014; 2019; Курьянов, Иванова, Курьянова, 2022; Сверхтексты в русской литературе…, 2025), посвященных особенностям репрезентации крымского текста. При этом ученый, по сравнению с предшественниками, акцентирует прилагательное «топический» (с греч. τόπος – местный) как наиболее верное в тезаурусном значении (Сверхтексты в русской литературе…, 2025, с. 23). В таком текстовом единстве на первое место выходят пространственные параметры (земные географические объекты, формирующие художественную образность). Отсюда, как уточняет исследователь, немаловажную роль играет не только само географическое пространство, но и «образное восприятие территории, имеющей в воспринимающем сознании устойчиво осознаваемые границы» (Сверхтексты в русской литературе…, 2025, с. 23). Детально анализируя работы М. М. Бахтина, где рассматривается понятие «хронотоп», а также труды других западных (Ж. Женнет, Дж. Френк и др.) и отечественных (Ю. М. Лотман, В. В. Хализев и др.) исследователей, поднимающих вопросы соотношения времени и пространства, С. О. Курьянов обосновывает важность категории пространства в художественной литературе. Именно пространственные и образные различия выступают принципиальными факторами курьяновской концепции в разграничении локального и регионального сверхтекста. Таким образом, под *локальным* текстом им понимается «топический сверхтекст, строящийся на основе константных мифологизированных представлений о конкретном месте, имеющем четкие границы, – населенных пунктах (городе, поселке, селе, хуторе), географических объектах, как наземных (гора, поле, поляна, сад и под.), так и подземных (пещера и т. п.) и водных (море, бухта, озеро, река и под.). Центр (ядро) локального сверхтекста всегда находится вне литературного текста и является национально (всемирно, культурно и под.) значимым концептом (Петербург, Москва, Париж, Лондон, Венеция, Флоренция, Казбек, Ладога, Днепр и т. п.)» (Сверхтексты в русской литературе…, 2025, с. 17).

Другой вариант топического сверхтекста репрезентует *региональный* текст, также основанный на константных мифологизированных представлениях о регионе, «имеющем условные границы и нередко строящемся на совокупности локальных текстов. В основе регионального текста лежит национально (всемирно, культурно и т. п.) значимый топический концепт, являющийся ядром сверхтекста; это концепт большой территории (понятно, что административные границы при таком рассмотрении значения не имеют). В одних случаях в силу географического положения территория оказывается более замкнутой (Крым, Гренландия, Исландия, Австралия, Италия, Испания, Франция и под.), в других – менее (Кавказ, Полесье, Русский Север, Сибирь, Тибет и под.)» (Сверхтексты в русской литературе…, 2025, с. 17-18). Определение, безусловно, указывает на гетерогенность подобного единства текстов и на то, что в его структуру могут входить локальные тексты, участвовавшие в формировании константных представлений о регионе. Как справедливо отмечают исследователи, «константные мифологизированные представления в таких случаях могут преодолевать семантический объем мифологемы и вырастать до мифа. При этом региональный миф будет строиться на основе нескольких мифов, рожденных в разные эпохи, и таким образом структурировать региональный текст» (Сверхтексты в русской литературе…, 2025, с. 18). Подобное явление наиболее ярко демонстрирует именно крымский текст русской литературы (Курьянов, 2014; 2019; Курьянов, Иванова, Курьянова, 2022; Сверхтексты в русской литературе…, 2025).

Несколько иное понимание локального сверхтекста представлено в концепции Н. Н. Старыгиной (2017), указавшей на отсутствие окончательного описания локальных сверхтекстов как «текстов-конструктов». Под ними исследовательница понимает смыслопорождающую структуру, конструируемую «исследователем (читателем) из авторских локальных текстов на основе инвариантных характеристик социокультурного пространства, а также универсальных содержательных и поэтических признаков его изображения в литературных произведениях» (Старыгина, 2017, с. 131). Акцент делается на авторских локальных текстах (усадебные тексты Тургенева, Достоевского, Слепцова, Лескова и т. п.; петербургский текст Пушкина, Гоголя, Белого и т. п.), совокупность которых формирует локальные сверхтексты. Таким образом, локальный сверхтекст, по Н. Н. Старыгиной, – сложная структура из локальных текстов разных авторов, в которой «актуализируются авторские локальные субтексты» и устанавливаются «горизонтальные и вертикальные, иерархические и равноправные, синхронные и диахронные, контекстуальные и интертекстуальные, содержательные и поэтические отношения и связи между всеми элементами, что и приводит к рождению нового смыслового пространства» (2017, с. 131). Отказываясь от принципа территориального масштаба, ученый разграничивает понятия «локус» и «топос»: концепт-локус становится «топонимом высокой культурной значимости» (Н. Е. Меднис) и указывает на определенное место локализации (страны, области, регионы, города, реки и т. п.), тогда как концепт-топос включает пространственно-временные координаты, связанные с «местом жизнедеятельности россиян как социокультурным пространством» (провинция, столица, город, деревня, усадьба, дача, монастырь, баня и др.) (Старыгина, 2017, с. 133).

Несмотря на многообразие предложенных типологий топических сверхтекстов, представленных в работах отечественных исследователей, мы согласимся с обоснованной классификацией С. О. Курьянова о выделении локального и регионального сверхтекста как особых разновидностей топического сверхтекста. Более того, сегодня возникает необходимость выработки специфических подходов к изучению регионального текста как менее изученного в отличие от городского. На эту проблему обращает внимание Е. Ш. Галимова. Изучая северный текст, она подчеркивает, что городской и региональный локусы обладают разными параметрами и смыслами, и поэтому, по мнению исследовательницы, методология анализа сверхтекстов, сложившаяся прежде всего на материале городских текстов, недостаточна для постижения сверхтекста региона. Специфика художественного пространства, мотивной основы и культурных кодов такого текста определяется особенностями территории – географическими, геополитическими, историческими, этнографическими, социальными и мифологическими, – а потому его свойства отличаются от свойств культурно-семиотического пространства города. Для изучения регионального текста, считает Е. Ш. Галимова (2012), необходимо опираться на геопоэтику, метагеографию, этнопоэтику, этнолингвистику и исследование региональной картины мира.

Не отрицая роли города в культурном и социально-экономическом развитии России, мы видим более масштабное значение регионов, обусловленное их географией, экономикой, культурой и национальным самосознанием, что нашло отражение в художественной литературе. Интерес к топическим сверхтекстам в последние десятилетия связан прежде всего с кризисом идентичности: подобные тексты становятся формой репрезентации и конструирования регионального самосознания. Поэтому осмысление топического регионального сверхтекста остается сегодня актуальной проблемой.

Заключение

Таким образом, исследование работ отечественных литературоведов, посвященных изучению сверхтекста, позволило прийти к следующим выводам.

Во-первых, обобщенный взгляд на теоретические изыскания текста как семиотического пространства культуры позволяет рассматривать сверхтекст как сложную целостную систему, состоящую из множества самостоятельных текстов, объединенных устойчивыми повторяющимися смысловыми кодами, мотивами и образами, а также основополагающей ролью мифа, закрепленного в сознании и исследователя, и интерпретатора, и выстраивающего тексты в единый смысловой центр.

Во-вторых, анализ существующих классификаций сверхтекстов показывает, что наиболее убедительной для изучения регионального сверхтекста является типология С. О. Курьянова, разграничивающего локальный и региональный топические сверхтексты.

В-третьих, исследование регионального сверхтекста требует комплексного междисциплинарного подхода, учитывающего особую природу регионального пространства. Анализ региональных сверхтекстов русской литературы должен опираться на такие его ключевые аспекты, как характер художественного пространства, мотивный субстрат, культурные коды, территориальная специфика (географическая, геополитическая, историческая, этнографическая, социальная, мифологическая).

В качестве перспективы дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать разработку подходов, применимых к исследованию прежде всего региональных сверхтекстов с их особой спецификой, таких, например, как крымский текст.

Источники | References

1. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 2000.
2. Бахтин М. М. Проблема текста (Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа) // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 1997. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / прим. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979.
4. Галимова Е. Ш. Специфика Северного текста русской литературы как локального сверхтекста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1.
5. Гудкова С. П., Шеянова Е. О. Проблемно-тематическое своеобразие современной поэзии Крыма // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. № 6. https://doi.org/10.30853/phil20250336
6. Данилевская Н. В. Сверхтекст // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2006.
7. Купина Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности // Человек – текст – культура / под ред. Н. А. Купиной, Е. В. Матвеевой. Екатеринбург: Ин-т развития регионального образования, 1994.
8. Курьянов С. О. Крымский текст как литературоведческий феномен // Вопросы русской литературы. 2014. № 29 (86).
9. Курьянов С. О. Тайный ключ русской литературы. Формирование и становление крымского текста в русской литературе X-XIX веков. М.: ИНФРА-М, 2019.

10. Курьянов С. О., Иванова Н. П., Курьянова В. В. Актуальные вопросы теории сверхтекста: литературоведческий аспект. Ассоциативно-смысловой сверхтекст // Litera. 2022. № 11. https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.11.39200
11. Лихачев Д. С. Литература – реальность – литература. Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1981.
12. Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры.
13. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001.
14. Лошаков А. Г. Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен. Архангельск: Поморский ун-т, 2007.
15. Лошаков А. Г. Сверхтекст: семантика, прагматика, типология: автореф. дисс. … д. филол. н. Киров, 2008.
16. Люсый А. П. Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста: автореф. дисс. … к. культ. М., 2003.
17. Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1999.
18. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: НГПУ, 2003.
19. Сверхтексты в русской литературе: теория, методология, интерпретация / научн. ред. С. О. Курьянов. Симферополь: ИТ «Ариал», 2025.
20. Социум, сознание, язык: междисциплинарный диалог: монография / под ред. А. П. Фомина, С. Г. Филипповой, Л. Н. Дешеулиной. Волхов: ЛЕМА, 2014.
21. Старыгина Н. Н. Система локальных сверхтекстов русской литературы // Вестник Чувашского государственного педагогического университета. 2017. Вып. 3-2 (95).
22. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство-СПБ, 2003.
23. Шульженко В. И. Кавказ в русской прозе второй половины XX века: проблематика, типология персонажей, художественная образность: автореф. дисс. … д. филол. н. М., 2001.

Финансирование | Funding

RU Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 25-28-02195 «Образ Крыма в русской поэзии XIX-XXI вв.», https://rscf.ru/project/25-28-02195/.

EN The study was funded by the Russian Science Foundation, grant No. 25-28-02195, “The Image of Crimea in Russian Poetry of the 19th-21st Centuries,” https://rscf.ru/project/25-28-02195/.

Информация об авторах | Author information

RU **Шеянова Елизавета Олеговна**[1]
[1] Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск

EN **Elizaveta Olegovna Sheyanova**[1]
[1] National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk

[1] *sheyanovali1605@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 22.10.2026; опубликовано online (published online): 25.11.2026.

Ключевые слова (keywords): сверхтекст как объект изучения; теория локальных сверхтекстов; топический сверхтекст; региональный сверхтекст; крымский текст; supertext as an object of study; theory of local supertexts; topical supertext; regional supertext; Crimean text.